УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 43, № 2. С. 36–43 2021

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2021.582
УДК 355.425.4«1942»(477.75)

Отечественная история

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТКАЧЕНКО
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии факультета истории и права
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(Тула, Российская Федерация)
tkachenk0serg@yandex.ru

БОИ ЗА СЕЛО БАКСАН КАК ПРИМЕР СТАНОВЛЕНИЯ ТАКТИКИ КРЫМСКИХ ПАРТИЗАН

Аннотация. Партизанская война в Крыму, несмотря на изученность общей проблематики, весьма слабо отмечена исследованиями отдельных моментов. Это актуально для краеугольного процесса – поиска методов и способов партизанской борьбы, выработки специфической тактики. Научная задача состояла в изучении этого явления на наиболее ярком примере. Рассмотрены оперативная обстановка и поиск партизанских формирований Крыма в области тактики на примере боев за село Баксан Зуйского района в 1942 году. Особо раскрыт процесс выработки решений со стороны командных структур – Штаба Главного руководства партизан Крыма, партизанского района и командования отдельных отрядов. На основании архивных источников реконструирована боевая деятельность отрядов и штабов, указаны основные особенности и проблемы, прежде всего во взаимодействии разных формирований. В научный оборот вводятся новые документы. В результате, используя методы исторической науки (прежде всего проблемно-хронологический), удалось проследить процесс поиска и изменения тактики развертывания партизанской войны на первоначальном этапе.

Ключевые слова: партизаны, Крым, Штаб Главного руководства, партизанский район, партизанский отряд, село Баксан, боевые действия, пособники оккупантов

Для цитирования: Ткаченко С. Н. Бои за село Баксан как пример становления тактики крымских партизан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.582

ВВЕДЕНИЕ

Партизанское движение в Крыму (ноябрь 1941 – апрель 1944 года) является одной из важных страниц истории Великой Отечественной войны на полуострове. Фактически в период полной оккупации полуострова партизаны были третьим фронтом в тылу немецко-румынских войск. История партизанского движения изучается активно, однако многие проблемы остаются пока вне внимания историков. Это относится и к поиску методов и способов партизанской борьбы, выработки специфической тактики. Например, в отечественной и зарубежной историографии не обнаружено ни одного исследования по этой теме. Даже обобщающие работы по истории партизанского движения, вышедшие в разное время [1], [2], [3], [8], [10], [11], [14], [16], также не уделяют внимания проблеме поиска партизанской тактики, кроме фрагментарных упоминаний – не на крымском материале [4], [12]. Однако этот процесс очень важен во всей истории сопротивления. Еще в подготовительный период осени 1941 года будущие партизаны проходили боевую учебу, но тактике почти не учились, в том числе в связи с отсутствием официальных наставлений, инструкций по организации и ведению партизанской борьбы в отрядах и партизанских группах. Зимой 1941/42 года крымские партизаны стремительно учились воевать, отрабатывая на практике методы и способы борьбы, на собственном опыте постигая партизанскую тактику. Несомненно, этот процесс сопровождался потерями. Вместе с тем вскрывались недостаточная подготовка командных кадров, отсутствие взаимодействия между районами, отрядами и непосредственно в них. Как пример такого сложного процесса приобретения опыта партизанской войны в указанное время стоит привести боевые действия против гарнизона села Баксан Зуйского района (ныне с. Межгорье Белогорского района).

* * *

Первое документальное упоминание села Баксан (три рядом расположенные деревни под об-

© Ткаченко С. Н., 2021

щим наименованием Бахсан) встречается в Камеральном описании Крыма 1784 года. Согласно Списку населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года, в составе Баксанского сельсовета Карасубазарского района записано три села Баксан: Ашага, Орта и Юхары, при этом определить, какое из них было центром, из доступных источников пока не представляется возможным. В Ашага-Баксане числилось 53 двора, все крестьянские, население составляло 241 человек, из них 224 татарина, 16 крымских цыган, 1 записан в графе «прочие»; в Юхары-Баксане – 51 крестьянский двор, население 222 человека (209 татар, 11 русских, 2 латыша)[1]. После образования 10 июня 1937 года Зуйского района Баксан вместе с сельсоветом включили в его состав. В дальнейшем в доступных документах фигурирует один Баксан. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, в селе проживало 705 человек[2].

После оккупации большей части Крымского полуострова немецко-румынскими войсками в ноябре 1941 года в Зуйском районе (как и в ряде других районов горнолесной части Крымского полуострова) жители многих населенных пунктов стали на путь коллаборационизма и даже вели вооруженную борьбу с советскими партизанами. «Отряды самообороны» были сформированы, как правило, в крупных селах района, в том числе и в Баксане. Разведка партизанских отрядов докладывала, что полицейские под руководством немецких и румынских инструкторов проводят занятия и стрельбы. «Местное население (татары) успешно вооружается. Цель – борьба с партизанами. Надо полагать, что в ближайшее время они начнут практиковаться в борьбе с нами» [5: 146]. Село Баксан находилось внутри зоны действия отрядов 2-го партизанского района в это время. В окрестных лесах Зуйского, частично Карасубазарского и Симферопольского районов (в административных границах 1941 года) действовали Зуйский, Биюк-Онларский и Сейтлерский партизанские отряды, составлявшие так называемую Зуйскую группу отрядов (кроме них в исследуемое время во 2-м районе базировались еще Ичкинский, Колайский, Джанкойский, Карасубазарский и два Красноармейских отряда).

Поскольку перед выходом в лес конкретных боевых задач отряды не получили, а большинство партизанских командиров не представляли себе в полной мере, что такое «малая война», всем начальникам партизанских районов пришлось самостоятельно принимать решение на ведение конкретных боевых действий. В результате во второй половине ноября 1941 года, сразу же после завершения организационного этапа, партизанские формирования, еще не успевшие накопить достаточный боевой опыт, стали повсеместно большими группами, а иногда и целыми отрядами нападать из засад на автоколонны, обозы, отдельные автомашины и небольшие подразделения оккупантов, продвигавшиеся по шоссейным и проселочным дорогам. Одновременно повреждались путевые сооружения, стационарная и полевая связь оккупантов. Ощутив на себе активную деятельность партизанских сил, опытные регулярные войска и полевая жандармерия сами пошли в лес и с помощью пособников из местного населения, в основном прилесных татарских населенных пунктов, уже успевших организоваться в группы самообороны, стали громить и грабить партизанские продуктовые базы, убивать и захватывать связников и разведчиков.

В середине декабря в с. Розенталь были посланы разведчицы Зуйского отряда Д. Кравченко и М. Брылева. Из разведки они не возвратились, позже выяснилось, что их схватили «баксанские татары и отвели в Карасубазар», где находилась тюрьма [9: 57]. 23 декабря 1941 года командир Зуйского отряда А. А. Литвиненко записал в дневнике: «…Трубенко со своей группой был у Баксана и установил, что там всего 15 “гансов” и что это Абибулаев Зенатия и Абдураманов Ильяс водили немцев за нашими продуктами»[3]. 5 января 1942 года Литвиненко запишет снова:

«Еще в Тав-Кипчак нам донесли агенты, что из Баксана вышла в лес группа немцев человек 10 и с ними группа татар свыше 10 человек. Когда пришли домой, узнали, что эти группы противника окружили землянки группы Трубенко и лишь случайно Трубенко с группой вырвались»[4].

В приказе № 8 от 4.12.1941 года командующий Штаба Главного руководства партизан Крыма (ШГР) А. В. Мокроусов обязал командование каждого отряда проводить в месяц не менее трех операций, при этом командирам и комиссарам – лично в них участвовать. Во время Керченско-Феодосийской операции партизанские отряды 2-го района активизировали свои боевые операции, заняли более десяти населенных пунктов, из которых ушли вражеские войска. 18 января 1942 году Зуйский отряд провел первую операцию по захвату с. Баксан. Комиссар отряда Н. Д. Луговой записал в дневнике:

«Решено: время дать баксанским полицаям ответ. С этим и идем на Баксан… Сам рельеф местности подсказал план нападения, мы, скрываясь в зарослях, обложили село с трех сторон, а четвертую – северную – решили

прикрыть минометным огнем. Скрытность и внезапность удалась. Ошеломленные неожиданным огневым ударом, как громом с ясного неба, немцы и полицейские заметались в селе, как мухи в паутине. Трижды пытаясь защититься ответным огнем, они все же прекратили сопротивление, частью обратившись в бегство, частью скрывшись в погребах, сараях и курятниках. В 2 часа Баксан был взят...» [9: 62].

Дальше Луговой упоминает о попытке поговорить со стариками и женщинами, но разговора не получилось. Партизаны оставили в селе листовки и приказ полицейским: в суточный срок сложить все оружие, вплоть до дробовиков, и свезти его в 1-ю баксанскую казарму, прекратить всякие походы в лес под любым предлогом. Командир отряда А. А. Литвиненко более подробно отметил:

«18 января ходили проучить баксанских предателей. В последнее время в Баксане немцы вооружили несколько десятков татар и почти ежедневно тренировали их в стрельбе из винтовок, автоматов и пулеметов. Эти же предатели вместе с немцами напали на землянки группы Трубенко. <...> 18.1. мы всем отрядом подошли к Баксану с западной стороны, но были обнаружены немцами и татарами. Они открыли по нас оружейный и пулеметный огонь. Группы Мисько и Иванова вошли в деревню и начали разыскивать предателей, расстреливая их. Сволочи вооружили даже подростков и стариков. Пришлось открыть огонь из минометов. Выпустили 130 мин по их группам, а затем ворвались в деревню. Немцы и татары убежали из деревни. Как только мы были замечены, немцы послали верхового за подкреплением, и нам пришлось уйти, т. к. подошло до батальона пехоты противника»[5].

19 января написано донесение, подписанное Литвиненко и Луговым, в штаб района, в котором несколько конкретизированы количественные данные и итоги, упомянутые в командирском дневнике[6].

В донесении от 2 февраля 1942 года указывается число партизан, участвовавших в операции, – 60 человек. Убито 15 человек полиции. В отряде один партизан легко ранен[7].

После 18 января в боевой деятельности Зуйского, а также базирующихся в этом же районе Сейтлерского и Биюк-Онларского партизанских отрядов больших изменений не произошло: диверсионные группы выходили на шоссе Симферополь – Алушта и Симферополь – Карасубазар, подрывали автомашины, производили разведку, отряды совместно и самостоятельно совершали боевые операции. В самом конце января все отряды получили номера – 13-м отрядом стал Зуйский, 14-м – Сейтлерский, 21-м – Биюк-Онларский (но номера не прижились, отряды именовались по-прежнему как в среде партизан, так и в оперативных документах). 2 февраля пришли связные из заповедника и сообщили, что ШГР планирует перейти в район расположения Зуйского отряда. Центральный штаб прибыл 14 февраля, и уже 15 февраля А. В. Мокроусов проводит совещание с командованием трех отрядов и ставит задачу силами Зуйского, Сейтлерского и Биюк-Онларского отрядов «взять Баксан» [15: 45]. Операция была назначена на 18 февраля 1942 года.

Однако за прошедший месяц многое изменилось: десанты в Феодосию и Судак были ликвидированы и советские войска отброшены на Ак-Монайский перешеек, оккупационное немецкое командование активно продолжало вербовку добровольцев в отряды самообороны. К этому времени в селе Баксан располагалась 4-я рота самообороны в составе 125 человек [13: 176–177]. Командир Зуйского отряда Литвиненко сообщал в штаб 2-го района:

«По имеющимся у нас данным за последнее время, Баксан является центром среди окружающих его деревень Кайнаут, Конрад и других в организации отрядов из местного населения по борьбе с партизанами, под руководством немецких инструкторов. В настоящее время в Баксане имеется до ста вооруженных татар и 10–15 человек немцев»[8].

Разведчики сообщали, что под руководством немцев и румын проводятся учения, стрельбы, но им было неизвестно, что в селе роют окопы, организуют укрепленные огневые точки, устанавливают пулеметы, в домах и стенах – бойницы. Командир Биюк-Онларского партизанского отряда Ф. С. Соловей сообщал начальнику 2-го района И. Г. Генову:

«…В татарских деревнях Баксан, Казанлы и других немцами созданы отряды для борьбы с партизанами, с которыми румынские и немецкие офицеры проводят занятия, а в настоящий момент под руководством немецких и румынских офицеров эти отряды ушли в лес против партизан, но в какой лес, не установлено. 15.2.42 г.»[9].

Тем не менее слабо владея обстановкой и не имея свежих разведывательных данных, командование Зуйского отряда издает боевой приказ[10]. В приказе конкретизированы только пути подхода, о взаимодействии трех партизанских отрядов практически не упомянуто, конкретные задачи по уничтожению объектов не ставятся.

В документах Зуйского отряда об этой операции сказано кратко:

«18–19 февраля. Количество участников 60 ч. Операция на взятие дер. Баксан. Цель: разгром полиции. Операция не выполнена ввиду того, что не было ответных ракет. Убит 1 полицейский»[11].

В документах Сейтлерского отряда информации больше:

«18 февраля 1942 года. Приказом по трем отрядам… было дано указание забрать д. Баксан, с 6.00 18.2.42 г. Деревня должна заниматься с трех сторон. Наш Сейтлерский отряд в количестве 30 человек должен занимать деревню с южной стороны. Подошли мы к деревне с вечера. Долго тянулась эта ночь. Отряд с нетерпением ждал начала сигнала действия, и минута времени подошла, но сигнала не было. Отряд решил действовать согласно времени. <…> Указанный участок деревни был занят… Уничтожив полицейских, забрав у брата старосты корову, подорвав дом полицейского, мы возвратились, не потеряв ни одного партизана…»[12].

Наиболее полны деталями воспоминания командира Биюк-Онларского отряда Ф. С. Соловья:

«В 7.00 по общему сигналу белая ракета, которую давал командир Зуйского отряда, остальные белой отвечали о готовности для совместных действий. Белую ракету, в связи с сильным туманом, не было видно, и действия начали по часам в 7.00. В связи с тем, что это была первая операция на населенный пункт, не все командиры групп вели себя в этой операции смело и решительно. <…> В 7.00 я двинулся с отрядом и занял северо-западную часть Баксана… С занятием северо-западной части деревни Баксан, я установил, что Зуйский и Сейтлерский отряды отступили от Баксана в лес. Продвигаться дальше к мечети не стал, так как я должен был с одним отрядом попасть под обстрел со всех сторон. Я решил взять скот полицейских (5 коров), продукты. Сожгли пять домов. В 8–9 часов ушли в лес в лагерь. На следующий день на совещании командования трех отрядов… Литвиненко был снят, а Верещагин предупрежден о недопущении в дальнейшем таких действий и преждевременном отходе»[13].

Партизанский командир Ф. И. Федоренко значительно позже укажет на некоторые характерные ошибки:

«Готовился налет в спешке, без достаточной разведки сил и системы охраны гарнизона противника. Рубежи атаки с трех сторон намечались приблизительно – только по картам, без командирской рекогносцировки на местности… Ни тщательной маскировки, ни надежных сигналов начала атаки и выхода из боя… Мокроусов сильно переживал поражение отрядов тиркинского леса, но стоял на своем: баксанский гарнизон гитлеровцев должен быть разгромлен…» [15: 45–46].

Обвиненный в трусости А. А. Литвиненко был отстранен от командования отрядом, вместо него командиром Зуйского отряда назначен капитан Н. П. Ларин, бывший начальник штаба Биюк-Онларского отряда. Так как поставленную задачу никто не отменял, именно Ларин возглавил подготовку к новому штурму. Было ясно, что совместных действий зуйской группы отрядов по разгрому опорного пункта оккупантов в Баксане не получилось. После февральских событий гарнизон села, состоящий из румын, местных добровольцев и полицаев, под руководством немецких инструкторов превратил Баксан в мощный опорный пункт с хорошо развитой системой охраны подходов. Крайние дома были переоборудованы в огневые точки, село опутано колючей проволокой. Все пути проникновения для связи с местным населением были отрезаны: «...Никаких сведений из Баксана не имеем, все щели закрыты...»[14].

В соответствии с приказом начальника 2-го партизанского района И. Г. Генова на подготовку к нападению отводилась неделя [5: 156]. Командовать Зуйской группой было поручено новому командиру Зуйского отряда капитану Н. П. Ларину (комиссар Н. Д. Луговой, начштаба В. Д. Тимофеев). Издается боевой приказ, подписанный командованием Зуйского партизанского отряда[15]. Как видно из текста, этот приказ был аналогичен февральскому приказу, пути подхода почти не изменились, тактические вопросы и взаимодействие трех отрядов были проработаны слабо.

И. Г. Генов описывает операцию обобщающе:

«В ночь с 8-го на 9 марта отряды заняли исходные рубежи. Здесь развели костры. Противник же тщательно следил за передвижением и поведением партизан. На рассвете отряды пошли в наступление теми же путями, по которым шли на Баксан 18–19 февраля. Стоило партизанам выйти из леса, как их встретил пулеметный и минометный огонь фашистов…» [5: 157].

Погода внесла свои коррективы: ночью и днем разыгрался снежный буран. Из-за сложных метеоусловий командирская рекогносцировка, как и 20 февраля, проведена не была, вновь понадеялись на хорошее знание местности. Днем 8 марта, соблюдая меры предосторожности, группа вышла в направлении Баксана. Зуйский отряд (командир Н. П. Ларин, комиссар Н. Д. Луговой, начштаба В. Д. Тимофеев) продвигался по лесным опушкам Караби-яйлы, биюк-онларцы (командир Ф. С. Соловей, комиссар Г. А. Фельдман, начштаба Д. А. Абрамов) – по Долгоруковской яйле, а Сейтлерский отряд (командир Ф. Н. Верещагин, комиссар М. И. Пузакин, начштаба П. А. Колесник) – по хребту Орта-Сырт. Преодолев от 15 до 20 км по заснеженной пересеченной местности, отряды должны были перед рассветом 9 марта прибыть на исходные рубежи [13: 30]. К 06:30 Зуйский отряд достиг исходного рубежа: безлесного холма у восточной окраины села в 700–800 метрах к югу от шоссированной дороги Баксан – Карасубазар, в направлении Аргина выставил в заслон группу А. Ф. Мисько с двумя ручными пулеметами и приготовился к бою. Опасаясь, что с рассветом атакующие будут хорошо видны на заснеженном склоне холма, Ларин выстрелил красную ракету в 06:45, на 15 минут раньше срока[16]. Биюк-онлар-

цы и сейтлерцы не отозвались, так как запоздали с выходом на исходные рубежи.

В отличие от партизанских отрядов, гарнизон Баксана, находившийся в готовности, по красной ракете немедленно открыл ураганный огонь из всех видов стрелкового оружия, минометов и даже горных орудий. Под огнем противника группы А. А. Литвиненко и А. И. Иванова ворвались в село, достигли крайних домов и стали забрасывать огневые точки ручными гранатами. В 07:15 и 07:20 вступились биюк-онларцы и сейтлерцы, однако их огонь продолжался недолго и к 07:50 окончательно прекратился. К этому времени рассвело, и партизаны Зуйского отряда оказались под прицельным огнем, появились раненые и убитые. К 09:00 интенсивность огня гарнизона стала ослабевать, но в это время был ранен в голову пулеметчик группы Литвиненко и убит пулеметчик группы Иванова, а из Аргина около 10:00 через поселок Ханлык на нескольких грузовиках прибыли до 150 немцев, спешились и под прикрытием станковых пулеметов стали быстро продвигаться по оврагу на юг вдоль хребта Кара-Оба, чтобы отрезать партизан от леса. Оценив обстановку, Ларин принял решение отходить, поставил задачу Мисько огнем двух ручных пулеметов заслона остановить немцев и не выпустить из оврага, а сам с начальником штаба В. Д. Тимофеевым побежал на правый фланг, чтобы вывести группы Литвиненко и Иванова из боя. Луговой приказал командиру пулеметной группы Я. В. Кузьмину расположиться на высоте 497,0, пропустить группы Литвиненко и Иванова и воспретить противнику преследование отряда по баксанской дороге. Выводя группы, Ларин был тяжело ранен, его вытащили из-под обстрела партизаны группы Иванова, при этом Ларин несколько раз просил бросить его и спасать отряд. Литвиненко, обвиненный в феврале в трусости, отходить из Баксана наотрез отказался, отпустил раненых, связников и продолжал подавлять огневые точки противника, чем фактически обеспечил отход основных сил отряда. Попав под огонь станковых пулеметов аргинцев, Литвиненко был убит, при этом погибла и большая часть его группы[17].

Как стало впоследствии известно, после получасовой перестрелки комиссар Биюк-Онларского отряда А. Г. Фельдман запаниковал, отошел от исходного рубежа и увел отряд на базу, бросив командира отряда Ф. С. Соловья с тремя бойцами на подступах к Верхнему Баксану. Точно так же повел себя и комиссар Сейтлерского отряда М. И. Пузакин, в результате чего командир отряда Ф. Н. Верещагин смог догнать своих бойцов через восемь километров уже в лесу. Ф. С. Соловей с оставшимся в живых ординарцем отстреливался от баксанцев до 16:00, был трижды ранен и только после прибытия подкрепления немцев из Зуи, в предвидении их атаки, отошел в лес и с большим трудом добрался до высоты 1025 к полудню 10 марта [9: 63].

Организованного вывода из Баксана Зуйского отряда также не получилось. Группы отходили самостоятельно, а часть бойцов самовольно покинула поле боя. Тяжелораненый начальник штаба отряда В. Д. Тимофеев возглавил группу таких же, как и он, покалеченных партизан, присоединил к себе Я. В. Кузьмина с пулеметным расчетом, часть здоровых бойцов, которые должны были идти на помощь группам Литвиненко и Иванова, и увел на Орта-Сырт. По дороге на Яманташской заставе забрал всех лошадей, предназначенных для вывоза раненых, и «использовал их в своих целях»[18]. Фактически Ларин, Луговой и небольшая группа партизан также были брошены основными силами отряда и отходили в одиночестве. К 18:00 Ларина дотащили до стыка рек Бурульчи и Суата, где смогли почувствовать себя в безопасности. Не найдя лошадей на заставе, Луговой ушел на высоту 1025 и только в 03:00 10 марта смог послать за командиром отряда группу обеспечения с лошадьми. К 10:00 измученного Ларина с перебитой и обмороженной ногой доставили в лагерь [9: 63–64].

С приходом раненого Ф. С. Соловья окончательно прояснились масштабы трагедии: Зуйский отряд потерял убитыми 15 и ранеными 10 партизан – 50 % боевого состава. Впервые партизаны Зуйского района понесли такие большие потери [7: 14]. Среди получивших ранения были командир отряда капитан Н. П. Ларин и начальник штаба полковник В. Д. Тимофеев, а также секретарь комитета комсомола Е. Н. Камардина (Шамко), в будущем исследователь партизанского движения в Крыму. Биюк-Онларский отряд имел убитыми 5 человек, без вести пропавшими 4 и ранеными 5. В Сейтлерском отряде было 2 легкораненых. Общие потери всех отрядов – 20 убитых и 20 раненых. Противник не досчитался 40 солдат, местных самооборонцев и полицаев. Кроме того, в ходе боя были убиты староста с. Баксан и один офицер. При этом основная задача оказалась невыполненной: Баксан разгромить не удалось.

Еще до прихода на высоту отм. 1025 ШГР и штаба 2-го партизанского района командование Зуйского отряда провело разбор боя. В. Д. Тимофеев и его помощник В. В. Макухин от занимаемых должностей были отстранены, Я. В. Кузьмин за невыполнение приказа выведен со строгим выговором из состава партбюро, а боец Князев

«за самовольный уход с поля боя» приговорен к расстрелу (приговор отправлен в ШГР на утверждение)[19]. В Штабе также провели свое разбирательство.

После подведения итогов деятельности Зуйской группы и разбора неудачи под Баксаном командующий ШГР А. В. Мокроусов 24 марта принял решение из Зуйского, Сейтлерского и Биюк-Онларского отрядов образовать оперативную группу и назначить ее командиром Н. Д. Лугового без освобождения от исполнения обязанностей комиссара отряда. Зуйским отрядом временно стал командовать А. И. Иванов (командир группы парашютистов из состава отдельного парашютного батальона разведотдела штаба Кавказского фронта, десантированной в партизанский лес в январе 1942 года и влитой в отряд зуйчан). А. В. Мокроусов, назначая Н. Д. Лугового командиром Зуйской опергруппы, явно недоработал свое решение: Луговой становился прямым начальником командира Зуйского отряда, заместителем которого он являлся. К сожалению, приходится констатировать, что такие опрометчивые и абсурдные решения не способствовали укреплению авторитета ШГР.

Операции по захвату Баксана получили известность, попав в издаваемый в Берлине бюллетень «Сообщения из СССР». В номере от 8 апреля 1942 года отмечалось, что 4-я рота самообороны стойко обороняла населенный пункт Баксан, и в ходе четырехчасового боя чуть больше сотни добровольцев сдерживали натиск более 500 партизан [6: 164]. Вместе с тем ежедневные донесения Штаба по борьбе с партизанами указывают, что 9 марта

«татарская рота в Баксане атакована партизанами, в результате боя с партизанами у деревни Баксан убито 30 партизан, несколько ранено, 2 захвачены в плен. Потери 5 татар из подразделения Баксана, 4 ранены, в помощь был брошен взвод румын и взвод немцев»[20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бои за Баксан, которые вели разные отряды, временно объединенные оперативно, были не единственными на первоначальном этапе партизанской борьбы в Крыму. Объединенные усилия 1-го и 2-го партизанских районов 21 января 1942 года в деревне Суук-Су (севернее Судака), 3-го и 4-го районов 8 февраля и Симферопольского отряда № 2 10 февраля в селе Коуш (фактически в Крымском заповеднике), совместные действия Зуйской группы отрядов в январе – марте в Баксане, Карасубазарского и Красноармейских отрядов 11 марта в селе Орталан Карасубазарского района показали, что на данном этапе значительные опорные пункты охранно-блокадной системы оккупантов, усиленные отрядами местных добровольцев и полиции, оказались партизанским формированиям «не по зубам». Отряды не были готовы к совместным наступательным действиям, несли тяжелые невосполнимые потери, обрастали большим количеством раненых, что приводило к утрате маневренности, расходовали огромное количество боеприпасов (особенно остродефицитных ручных гранат) и, как следствие, утрачивали авторитет в глазах местного населения. Все это не в полной мере было понято и правильно оценено А. В. Мокроусовым и его штабом. В итоге, несмотря на неоднократно повторявшиеся требования командующего, отряды и районы вплоть до подъема партизанского движения осенью 1943 года на крупные опорные пункты оккупантов больше никогда не нападали. Начальники районов, командиры отрядов и групп на личном опыте убедились, что основными видами боевых действий должны стать диверсии, широкомасштабные нападения из засад мелких групп партизан на коммуникации 11-й армии, а также репрессивные акции против предателей, продовольственные операции в ходе налетов на отдельные посты и заставы и мелкие гарнизоны оккупантов и их пособников. Это уже соответствовало правилам партизанской тактики – специфической и творческой отрасли военного искусства, выработанного массами. В дальнейшем крымские партизаны широко использовали приобретенный опыт.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Список населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. Симферополь: Крымское центральное статистическое управление, 1927. С. 82–83, 90–91.
[2] Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-137. Оп. 9. Д. 14. Л. 46.
[3] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 426. Л. 11.
[4] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 426. Л. 16.
[5] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 426. Л. 18.
[6] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 52.
[7] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 77.
[8] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 40. Л. 36.

[9] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 406. Л. 19.
[10] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 17.
[11] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 41.
[12] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 414. Л. 31–32.
[13] ГАРК. Ф. П-8417. Оп. 1. Д. 82. Л. 12–13.
[14] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 27.
[15] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 408. Л. 23.
[16] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 31.
[17] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 36–38.
[18] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 38.
[19] ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498. Л. 39.
[20] National Archives and Records Administration (NARA). T312 – 1691. (11 AOK). f.0238.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армстронг Д. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М.: Яуза, 2010. 353 с.
2. Боярский В. И. Партизанская война: История утерянных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 304 с.
3. Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. М.: Издательский дом «Граница», 2003. 448 с.
4. Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Выпуск первый. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
5. Генов И. Г. Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1963. 280 с.
6. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 291 с.
7. Книга Памяти Республики Крым. Т. 6. Симферополь: Таврида, 1995. 272 с.
8. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: Сборник / Под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. 341 с.
9. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2004. 732 с.
10. Партизанское движение: по опыту Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Военно-ист. очерк / Под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2001. 464 с.
11. Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М.: Наука, 1986. 439 с.
12. Развитие способов вооруженной борьбы советских партизан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Сост. П. С. Матронов. М.: Военная академия им. М. В. Фрунзе, 1962. 49 с.
13. Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М.: Вече, 2011. 432 с.
14. Турба Н. Н. Опыт и особенности партизанских действий в Крыму. 1941–1944 гг. (Социально-политический аспект): Монография. Одесса: Пед. ун-т, 1998. 140 с.
15. Федоренко Ф. И. Годы партизанские. Симферополь: Таврия, 1990. 288 с.
16. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1956. 159 с.

Поступила в редакцию 08.05.2020; принята к публикации 30.11.2020

Original article

Sergey N. Tkachenko, Cand. Sc. (History),
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation)
tkachenk0serg@yandex.ru

FIGHTING FOR THE VILLAGE OF BAKSAN AS AN EXAMPLE OF THE CRIMEAN PARTISANS' TACTICS DEVELOPMENT

Abstract. The general issues of the partisan war in the Crimea are well studied, but some specific aspects remain unexplored. Such research is relevant for the cornerstone process of searching for the forms and methods of partisan warfare and the development of specific tactics. The research objective was to study this phenomenon using one of the most vivid examples. The article investigates the operational situation and search for tactics by the partisan formations in the Crimea through the case of fighting for the village of Baksan in the Zuyskiy district in 1942. The research focuses on the process of decision-making by such command structures as the Central Headquarters of the Crimean partisan movement, the partisan district, and the commanders of individual detachments. The author uses archival sources for

reconstructing the combat activity of the detachments and command staff, and identifying the main features and problems, primarily concerning the interaction between different formations. New documents are also introduced into research circulation. As a result, using the methods of historical science (primarily the problem-based chronological method) made it possible to trace the process of finding and changing the tactics of partisan warfare at the initial stage of its deployment.

K e y w o r d s : partisans, Crimea, Central Staff Headquarters, partisan district, partisan detachment, Baksan village, hostilities, accomplices of occupying forces

F o r c i t a t i o n : Tkachenko, S. N. Fighting for the village of Baksan as an example of the Crimean partisans' tactics development. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2021;43(2):36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.582

REFERENCES

1. A r m s t r o n g , D . Guerrilla warfare. Strategy and tactics. 1941–1943. Moscow, 2010. 353 p. (In Russ.)
2. B o y a r s k y , V . I . The partisan war: The history of lost opportunities. Minsk, Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
3. B o y a r s k y , V . I . Partisan warfare yesterday, today, tomorrow. Historical and documentary essay. Moscow, 2003. 448 p. (In Russ.)
4. Warfare in the enemy's rear. Some problems of the history of the Soviet partisan movement during the Great Patriotic War. Issue one. Moscow, 1974. 447 p. (In Russ.)
5. G e n o v , I . G . A partisan's diary. Simferopol, 1963. 280 p. (In Russ.)
6. D i x o n , C . A . , H e i l b r u n n , O . Communist guerilla warfare. Moscow, 1957. 291 p. (In Russ.)
7. The book of memory of the Crimean Republic. Vol. 6. Simferopol, 1995. 272 p. (In Russ.)
8. The Crimea in the USSR's Great Patriotic War of 1941–1945: Miscellany. (I. S. Chirva, Ed.). Simferopol, 1963. 341 p. (In Russ.)
9. L u g o v o y , N . D . The partisan harvest: 900 days in the enemy's rear. A diary. Simferopol, 2004. 732 p. (In Russ.)
10. The partisan movement: the experience of the Great Patriotic War, 1941–1945: Essay on military history. (V. A. Zolotarev, Ed.). Moscow, 2001. 464 p. (In Russ.)
11. P o n o m a r e n k o , P . K . All-national struggle in the rear of the German Nazi invaders in 1941–1944. Moscow, 1986. 439 p. (In Russ.)
12. Development of armed struggle methods by Soviet partisans during the Great Patriotic War (1941–1945). (P. S. Matronov, Comp.). Moscow, 1962. 49 p. (In Russ.)
13. R o m a n ' k o , O . V . The Crimea under Hitler's heel. German occupation policy in the Crimea (1941–1944). Moscow, 2011. 432 p. (In Russ.)
14. T u r b a , N . N . Experience and features of partisan warfare in the Crimea. 1941–1944. (Socio-political aspect): Monograph. Odessa, 1998. 140 p. (In Russ.)
15. F e d o r e n k o , F . I . Partisan years. Simferopol, 1990. 288 p. (In Russ.)
16. S h a m k o , E . N . The partisan movement in the Crimea in 1941–1944. Simferopol, 1956. 159 p. (In Russ.)

Received: 8 May, 2020; accepted: 30 November, 2020